

М. Б. Бессуднова

БЕРЕГОВОЕ ПРАВО СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА: В ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ

«Молим тебя, Господи, не допускай, чтобы корабли разбивались, погибали в пучине шторма и неистовстве моря, но буде на то Твоя воля, позволяй им разбиться, но потом, Господи, выбрасывай их сюда на берег на благо бедных жителей побережья» – эту молитву на протяжении столетий возносили жители островов у берегов Фрисландии, близ которой пролегал один из самых оживленных судоходных маршрутов средневековой Европы¹.

Береговое право (лат. *jus litoris, seu litorale, seu naufragii*, франц. *droit de naufrage*, нем. *Strandrecht*), этот древний обычай прибрежных регионов, гласило, что все предметы, которые море выбрасывает на берег, буде то корабли или перевозившиеся на них товары, являются достоянием того, кто их найдет; при этом выжившие при кораблекрушении мореходы нередко подвергались насилию – их брали в плен в расчете на выкуп или даже убивали. Такого рода промысел служил важным подспорьем для прибрежных жителей, в массе своей влачивших жалкое существование, вследствие чего береговое право воспринималось ими как Божья санкция, призванная поддерживать их жизнь, что сообщало ему как правовое, так и моральное обоснование. В феодальной Европе береговое право образовало элемент своеобразной потестарно-правовой системы, обеспечивавшей правомочность феодала на владение землей и всем, что она приносит, и в числе прочего право на присвоение разбивавшегося судна и его груз². Эта правовая традиция в немалой степени препятствовала международной торговле, а потому государи и прочие субъекты власти, заинтересованные в ее развитии, пытались покончить с этой «легальной формой пиратства» (Н. С. Федорова) или, по крайней мере, взять ее под контроль.

¹ Röhr H. Strandungen, Strandräuberei und Seenotrettung // <http://www.husum-berichte.de/Strandrecht.025a.pdf>.

² Cordes A. Strandrecht // *Lexikon des Mittelalters*. Bd. 8. München, 1998. S. 212–213; Федорова Н. С. Пиратство и береговое право в эпоху Средневековья // *Мир юридической науки*. 2014. № 3. С. 24–28.

Береговое право существовало в пределах всего Балтийского региона³. В своей привилегии Любеку 1188 г., положившей начало экономическому расцвету будущего главы Ганзейского союза, император Фридрих I Барбаросса (1155–1190) запретил населению побережья присваивать выброшенные на берег корабли и их товары⁴. В первом из сохранившихся шведско-немецких торговых договоров 1261 г. содержится указание на обязанность администраторов защищать иноземных купцов от действия берегового права⁵. Одну из первых попыток упорядочить применение этого обычая мы встречаем в «Ютландском праве» (*Jyske Lov*) 1241 г. датского короля Вальдемара II (1202–1241), согласно которому треть найденного на побережье Северного или Балтийского морей товаров должна быть предоставлена королю как владельцу земель своего королевства, треть его собственнику, треть местным жителям, участвовавшим в его сохранении; властям вменялось в обязанность пресекать разбои и прочие попытки распорядиться спасенным имуществом в обход закона⁶. Прочие европейские государи XIII–XV вв. по мере распространения их юрисдикции на прибрежные регионы и под воздействием католической церкви, осуждавшей береговое право, также стремились ограничивать произвол в этой сфере, вверяя охрану побережья «береговым фогтам» (*strandvogte*), гарантируя выплату «охранных денег» (*barchgelt, berchgelt, barchgut, bergelohn*) тем, кто спас и сохранил выброшенные на берег корабельные грузы, и производя судебные разбирательства по фактам их незаконного присвоения⁷. Магистраты торговых городов Немецкой Ганзы, со своей стороны, проявляли заинтересованность в этом вопросе и при заключении международных торговых договоров – прежде всего с государствами Кальмарской унии – настаивали на включение в них пункта об освобождении своих граждан от действия берегового права на условиях выплаты ими «охранных денег» за спасенное имущество⁸.

Восточный отрезок «Великого Ганзейского пути» проходил через владения Господина Великого Новгорода. К XII в. сформировалась система торговых маршрутов, по которым заморские купцы из немецких городов и с Готланда следовали к берегам Волхова. Наряду с сухопутными трактами, которые вели от ливонских портовых городов, главным образом Риги и Ревеля (Таллинна), в сторону Дерпта (Тарту) и далее на Псков и Новгород, для коммерческих поездок, как и во времена викингов, использовались водные коммуникации⁹.

³ *Niitemaa V.* Das Strandrecht in Nordeuropa im Mittelalter. Helsinki, 1955. 416 s.

⁴ *Urkundenbuch der Stadt Lübeck.* Lübeck, 1843. Th. 1. № 7. S. 10.

⁵ *Kumlien K.* Hansischer Handel und hansische Kaufleute in Skandinavien // *Die Deutsche Hanse als Mittler zwischen Ost und West.* Köln, 1963. S. 89.

⁶ *Jyske Lov* // *Danmarks gamle landskabslove med kirkelovene.* Kobenhavn, 1936. Vol. 4. Lib. 3. Cap. 60.

⁷ *Niitemaa V.* Das Strandrecht in Nordeuropa im Mittelalter. S. 137–248.

⁸ *Ibidem.* S. 248–395.

⁹ Подробнее см.: *Бережков М. Н.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб., 1879. С. 151–156; *Никитский А. И.* История экономического быта Великого Новгорода.

Новгородская земля не была отрезана от Балтийского моря, куда устремляли свои воды судоходные Нева и Нарова. Если международный товарообмен на берегах Наровы, равно как и в нижнем течении Луги, стал динамично развиваться лишь по мере распространения «необычной» (нетрадиционной) торговли в XV в.¹⁰, то Нева в качестве торговой магистрали функционировала еще во времена «пути из варяг в греки». Ганзейцы, направлявшиеся в Новгород из Германии, Ливонии или с Готланда, активно использовали этот путь: по прибытии в устье Невы их суда вставали на якорь у шведской крепости на о. Котлин, затем шли к Старой Ладогге. Там товары с ганзейских морских судов (когг) перегружались на новгородские речные лодьи, которые следовали в Ладожское озеро, затем спускались по Волхову до его впадения в оз. Ильмень.

В отечественной историографии, дореволюционной и советской, сложилась традиция отрицать существование берегового права у восточных славян. В «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона можно прочитать: «Столь распространенное в старину в Зап. Европе Б[ереговое – ред.]. право всегда оставалось чуждым нашему законодательству. Врожденное чувство гуманности и свойственное славянскому племени гостеприимство никогда не допускало наших предков унижаться до пользования чужой бедой и несчастьем, а тем более искусственно вызывать это несчастье»¹¹. В доказательство этого тезиса российские исследователи вплоть до сего дня ссылаются на договор князя Олега с Византией 911 г.¹², а также договор смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой, Готландом и немецкими городами 1229 г.¹³. В 1959 г., однако, этот тезис, доселе никем неоспаривае-

М., 1893. С. 105–108; *Goetz L. K.* Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922. S. 31, 443; *Johansen P.* Novgorod und die Hanse // *Städtewesen und Bürgertum als geschichtliche Kräfte*. Lübeck, 1953, S. 130–133; *Angermann N.* Die Hanse und Rußland // *Nordost-Archiv. Zeitschrift für Kulturgeschichte und Landeskunde*. 1987. Bd. 20. H. 86/87. S. 58–60; *Weczerka H.* Hansische Handelswege in den nordwestrussischen Raum // *Novgorod – Markt und Kontor der Hanse*. Köln, 2002. S. 15–24.

¹⁰ *Бессуднова М. Б.* «Необычная торговля» в рамках ливонско-новгородского товарообмена второй половины XV в.: к постановке проблемы // *Новгородика-2012: У истоков российской государственности: Мат-лы конф. Великий Новгород, 2013. Ч. 1. С. 285–293.*

¹¹ <http://www.vehi.net/brokgauz>.

¹² Одна из статей договора 911 г. гласит: «Аще вывѣржена будеть лодья вѣтромъ великомъ на землю чюжоу, и обрящють ся тамо иже от насъ Руси, да аще кто идеть снабдѣти лодью с рухломъ своимъ и отослати пакы на землю хрестьяньскую, да проводимъ ю сквозѣ всяко страшно мѣсто, дондеже приидеть в бестрашно мѣсто. Аще ли таковая лодья ли от буря, или боронения земнаго боронима, не можетъ взборонитися въ своа си мѣста, спотружаемъся грѣбцемъ тоя лодья мы, Русь, и допровадимъ с куплею ихъ поздорову, ти аще ключитя близъ земля Грѣцькаа, аще ли ключитя такоже проказа лодьи рустѣй, да проводимъ ю в Рускую землю, и да продають рухло тоя лодья, и аще что можетъ продати от лодья, воволчимъ имъ мы, Русь» (*Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 1897. С. 48–49*).

¹³ «оу кого ся избиесть оуцанъ или чълнъ богъ того не даи или оу русина или оу немецкого – оу техъ волости, кто ту свободу дал – товаръ его свобонъ на воде и на

мый, был поставлен под вопрос В. С. Покровским, опубликовавшим статью о договоре Великого Новгорода с Готландом и немецкими городами 1189–1195 гг., древнейшем из сохранившихся новгородских международных договоров, в котором, помимо права свободного проезда для купцов, было заявлено гарантии от посягательств на их имущество¹⁴. Имея намерение проследить взаимодействие русского права с готландским и любекским, автор, в частности, отметил, что береговое право, издревле существовавшее в Великом Новгороде, было отменено договором 1189–1195 гг. под влиянием немецкого (готландского) права¹⁵. В своей ответной статье И. Э. Клейненберг указал на ошибочность вывода В. С. Покровского, заметив, «что отсутствие берегового права на морских и речных берегах древней Руси являлось характерной, экономически обусловленной чертой русского феодализма»¹⁶. Аналогичную позицию занимали и другие советские исследователи (Е. А. Коровин, Н. А. Казакова и др.)¹⁷.

Среди аргументов, использованных И. Э. Клейненбергом, присутствуют ссылки на мнение крупнейшего специалиста в области исследования русско-ганзейских отношений Л. К. Гетца¹⁸, а также на труды А. Бекштедта и В. Ниитемаа, специально изучавших проблемы берегового права в зоне ганзейского присутствия, которые обходят молчанием вопрос о береговом праве в Новгородской земле¹⁹. Особо отмечается отсутствие упоминания о новгородском береговом праве не только в международных договорах Великого Новгорода XIII–XV вв., но и в объемной документации ганзейских городов, по которой прослеживаются практически все конфликтные ситуации в их отношениях с новгородцами²⁰.

березе, без пакости всякому; товаръ иж то потополь, брати оу место своею дружиною; аже набобе ему болше помощи, то ть наимуе при послусехъ, кто был ту то буде послухъ, то имь посулишь то им даи, а боле не даи» (Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963. С. 34).

¹⁴ Покровский В. С. Договор Великого Новгорода с Готландом и немецкими городами 1189–1195 гг. как памятник международного права // Правоведение. 1959. № 1. С. 90–100.

¹⁵ Там же. С. 97.

¹⁶ Клейненберг И. Э. К вопросу о существовании в Новгороде Великом X–XII вв. берегового права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1960. № 2. С. 162.

¹⁷ Коровин Е. А. История международного права: От древности до конца XVIII века. М., 1946. С. 37; Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: конец XIV – начало XVI в. Л., 1957. С. 328; Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. М., 1986. С. 286.

¹⁸ «Среди договоров Ганзы с Новгородом нет ни одного, который устанавливал бы освобождение от берегового права» (Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsgeschichte. S. 235).

¹⁹ Клейненберг И. Э. К вопросу о существовании... С. 159.

²⁰ Клейненберг И. Э. К вопросу о существовании... С. 160.

Между тем следы существования берегового права в соседних с Новгородом ливонских землях не подлежат сомнению²¹. В 1448 г., например, магистрат Данцига (Гданьска) выступил в защиту интересов вдовы купца Генриха Хейланда, погибшего во время шторма близ Виндау (Вентспилса), и просил местного фогта (Виндау принадлежал к владениям Ливонского ордена) вернуть ей за вознаграждение спасенные товары стоимостью 80 марок²²; комтур затребовал его у крестьян, живших на побережье (кашубов), но те ответили, что все передали в распоряжение его предшественника²³. В 1456 г. магистрат Штеттина (Щецина) обратился к фогту Гробина (Гробини) и от имени штеттинских купцов, корабль которых, следовавший в Кёнингсберг мимо его «баллеи» (*de Ballie vorby*), был выброшен на берег, просил вернуть им товары взамен законных «охранных денег»²⁴. Подобную просьбу Рига при посредничестве Любека адресовала датскому королю²⁵; ее поддержал Рижский архиепископ Сильвестр Штодевешер (1448–1479)²⁶. В 1497 г. ливонский магистр Вольтер фон Плеттенберг (1494–1535) в ответ на упреки на бездействие в деле возврата выброшенных на берег товаров обещал вернуть их владельцам или компенсировать стоимость²⁷. 27 января 1505 г. фогт Зонебурга сообщал Плеттенбергу, что прошлой осенью корабль некоего Корта фон Далена, прибывший из Швеции, был выброшен на о. Даго, после чего «чужие», не принадлежавшие Ливонскому ордену, крестьяне разграбили его, но крестьяне фогта сохранили остатки товаров, которые он приказал вернуть владельцу. Последний, однако, обвинил фогта в потворстве грабителям и расхищении товаров²⁸. Чуть позже тот же фогт сообщал в Ревель, что в охране упомянутых товаров принимали участие также крестьяне Эзельского (Сааремского) епископа и комтура Пернау (Пярну); что касается разграбленных товаров, то из-за чумы, свирепствовавшей на острове, он не смог начать их своевременный розыск, в результате чего была найдена лишь незначительная их часть, но фогт выразил готовность возместить пропавшее имущество из своих средств²⁹.

Ничего похожего в документах, касающихся транспортировки ганзейских товаров по водному маршруту в пределах Новгородской земли, нет и быть не могло, поскольку все вышеприведенные случаи использования берегового права в его архаичной (разграбление товаров местным населением) и узаконенной (взимание «охранных денег» зем-

²¹ *Russwurm C.* Über das Strandrecht in den Ostseeprovinzen // *Mitteilungen aus dem Gebiet der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands*. 1865. Bd. 10. S. 3–24.

²² *Archiwum Państwowe w Gdańsku (APG)*. Part Kk (*Liber missivarum*), vol. 5, fol. 3a.

²³ APG. Part Kk, vol. 5, fol. 4a.

²⁴ *Hansisches Urkundenbuch* (далее – HUB). Bd. 8. Leipzig, 1899. № 518 (24.12.1456).

²⁵ *Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch*. Abt. 1 (далее – LEKUB 1). Bd. 12. Riga, Moskau, 1910. № 127. S. 64–65.

²⁶ LEKUB 1. Bd. 12. 149 82–83.

²⁷ LEKUB 2. Bd. 1. Riga; Moskau, 1900. № 614. S. 446–447.

²⁸ LEKUB 2. Bd. 2. Riga; Moskau, 1905. № 716. S. 559.

²⁹ LEKUB 2. Bd. 2. № 750. S. 580.

левладельцем или представителем администрации) формах касались морской торговли и мореплавания на Балтике; они регламентировались положениями ганзейского (международного) морского права, оформившегося на основе обычаев и постановлений ганзетагов к 1482 г. (*Flandrischer Copiar Nr. 9*)³⁰ – коллизии, касавшиеся его применения или нарушения, отображались в ганзейской деловой переписке. В Новгородской же земле водный маршрут пролегал по рекам и озерам, находившимся в пределах новгородской юрисдикции. В отношении иноземных купцов там действовало узаконенное международными договорами положение о «чистом пути», которое предполагало беспрепятственное и безопасное передвижение иноземных купцов с гарантией сохранения их товаров³¹. Реки и озера подпадали под действие этого положения³², тогда как море, в котором происходили кораблекрушения и которое «отдавало» побережью грузы с пострадавших кораблей, являлось «ничейной» средой. В первом случае безопасность купцов обеспечивалась государем или иным субъектом власти, в пределах юрисдикции которого те пребывали; гарантировать же их безопасность на море государь не мог. Именно это имел в виду ливонский магистр Иоганн Фрайтаг фон Лорингхофен (1483–1494), когда в ответ на требование «чистого пути» за море для русских купцов произнес: «В море моей власти нет»³³. Собственно говоря, это обстоятельство и породило необходимость в разработке морского права, признаваемого государствами Балтийского региона³⁴.

Следует также учитывать характер организации грузоперевозок на море и континентальных водоемах. На море они осуществлялись отдельными купцами или купеческими артелями, зафрахтовавшими корабль и взявшими на себя ответственность по его охране³⁵. Ситуация с перемещением ганзейских товаров по новгородским рекам и озерам была принципиально иной. С момента их перегрузки на русские лодьи близ Старой Ладogi они вверялись русским лодочникам, лоцманам и

³⁰ Seerecht im Hanseraum des 15. Jahrhunderts. Edition und Kommentar zum Flandrischen Copiar Nr. 9. Hrsg. v. C. Janke und A. Graßmann. Lübeck, 2003. 148 S.

³¹ О «чистом пути» см.: *Рагуניתейн А. Г.* Борьба за право свободного передвижения («чистого пути») в новгородско-ганзейских отношениях XII–XV вв. // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3 (19). Т. 2.

³² Уже вышеупомянутый договор 1189–1195 гг. гарантирует купцам свободу передвижения «горою и водою» (Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. С. 124–131).

³³ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851. Стб. 81.

³⁴ Подробнее см.: *Jahnke C.* Hansisches und anderes Seerecht // *Hansisches und hansestädtisches Recht*. Trier, 2008. S. 61–68.

³⁵ «Если корабль терпит бедствие, в каком бы месте это не случилось, команда обязана его спасти насколько хватит сил» (Seerecht im Hanseraum des 15. Jahrhunderts. S. 32, 75). Подробнее см.: *Frankot E.* «Of Laws of Ships and Shipmen»: Medieval Maritime Law and its Practice in Urban Northern Europe. Edinburg, 2012. P. 27–52.

прочим лицам, обеспечивавшим их транспортировку в Новгород³⁶. Новгородская вечевая республика гарантировала ее безопасность, поскольку – тут мы полностью солидарны с И. Э. Клейненбергом – была кровно заинтересована в бесперебойном функционировании новгородско-ганзейского товарообмена³⁷.

Вместе с тем трудно предположить, что береговое право, которое существовало во всех приморских регионах Европы, находившихся в зоне прохождения торговых путей, не имело распространения на участке балтийского побережья между устьями Наровы и Невы, который принадлежал к владениям Великого Новгорода. Отсутствие упоминаний о соответствующих инцидентах в исторических источниках, на наш взгляд, не может считаться убедительным аргументом для их отрицания. Следует принять во внимание ряд обстоятельств и, в частности, специфику комплекса новгородских средневековых источников, в котором главные позиции принадлежат летописям с характерным для них отсутствием интереса к делам международной торговли, а объем деловой документации крайне невелик. В отсутствии упоминаний о случаях использования берегового права в Новгородской земле при желании можно усмотреть результат эффективности новгородско-ганзейских договоренностей по обеспечению купцам «чистого пути» на земле и воде. Нельзя забывать и о том, что в силу отсутствия у Новгорода морского флота Невы и прилегавший к ее устью балтийский берег усиленно «курировались» шведами³⁸. В 1312 г. шведские ярлы пожаловали купцам из Любека и прочих ганзейских городов право свободного плаванья по Неве в Новгород с освобождением от берегового права, как это было принято в пределах шведских владений³⁹, что, собственно, доказывает его изначальное существование в приневском регионе. После взятия новгородцами шведской крепости Ландскрона (1301) Невы попала под их контроль, но на традициях, укоренившихся в народной среде, перемена подданства, надо полагать, мало отразилась.

Рудименты древнего берегового права в Новгородской земле, между тем, начали отчетливо проявляться в ганзейской переписке рубежа Средневековья и раннего Нового времени, в период осложнения русско-ганзейских отношений, наметившихся вскоре после присоединения Великого Новгорода к Московскому государству (1478)⁴⁰. Мы обнаружи-

³⁶ Русско-ганзейский договор 1269 г. закреплял ответственность новгородских властей за любые происшествия по ходу следования ганзейцев от Котлина до Новгорода, однако в случае отказа от услуг новгородских проводников их безопасность не гарантировалась (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 31).

³⁷ Клейненберг И. Э. К вопросу о существовании в Новгороде Великом X–XII вв. берегового права. С. 160.

³⁸ Krause G. Handelsschiffahrt der Hanse. Klatschmohn, 2010. S. 23–24.

³⁹ LEKUB 1. Bd. 2. №. S. 307.

⁴⁰ Бессуднова М. Б. Превратность судьбы: Великий Новгород в системе русско-ливонских отношений конца XV в. // Новгородский исторический сборник. СПб., 2013. Вып. 13(23). С. 171–184; Она же. Великий Новгород конца XV в. между Ливонией и

ваем их, в частности, в перечне ганзейских жалоб, которые фигурировали в ходе переговоров представителей ливонских городов, выступавших от имени всей Немецкой Ганзы, с великим князем Московским Иваном III (1462–1505) осенью 1494 г.⁴¹ Посольство, возглавлявшееся ратманами Ревеля и Дерпта, Готшалком Реммелингроде и Томасом Шрове, 18 сентября прибыло в Москву, а 2 октября было принято великим князем. Вручить ему полный список ганзейских претензий послы не смогли, поскольку содержащая его грамота в числе прочих посольских документов курьезным образом была изъята у них новгородскими наместниками, и ограничились перечислением лишь тех случаев, которые смогли воспроизвести по памяти – позже это было зафиксировано в посольском отчете Шрове⁴².

30 октября ливонское посольство пустилось в обратный путь, но на подъезде к Новгороду было задержано представителями власти – с этого момента его судьба оказалась тесным образом связана с судьбою обитателей новгородского Немецкого подворья, ганзейской конторы, которую Иван III, «опалившись» на ганзейские города, приказал закрыть 6 ноября 1494 г.⁴³ Шрове вскоре отпустили, а Реммелингроде как гражданина Ревеля, города, которому инкриминировались безосновательные казни подданных великого князя, присоединили к содержавшимся под арестом на «владычном» дворе ганзейским купцам. В силу этого свои отчеты послы составляли порознь и в разное время: Шрове предоставил его дерптскому магистрату к началу декабря, тогда как его коллега, которому новгородские власти разрешили отправить письмо в Ревель, 2–3 неделями позже, 20 декабря 1494 г. Описания ганзейских жалоб в изложении обоих послов поэтому близки по сути, но несколько разнятся по содержанию, причем в письме Реммелингроде они изложены более обстоятельно.

Некоторые инциденты, которые ливонцы представили на суд великого князя, напрямую касаются темы настоящего исследования. Так, например, в пункте 8 перечня Шрове значится: «Когда наши [ганзейские] корабли в русле Наровы выбрасываются на берег, то приходят твои [великого князя] крестьяне, обрубают канаты и прорубают корабль, забирают груз и не хотят брать законные деньги за охрану

Москвой // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. История. 2013. № 2. С. 3–9.

⁴¹ *Hildebrand H.* Die hansisch-livländische Gesandtschaft des Jahres 1494 nach Moskau und die Schließung des deutschen Hofes zu Nowgorod // *Baltische Monatsschrift*. Bd. 20. 1871. S. 115–136; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 261–268; *Tiberg E.* Moscow, Livonia and Hanseatic League 1487–1550. Stockholm, 1995. P. 44–49; *Бессуднова М. Б.* Россия и Ливония в конце XV в.: Истоки конфликта. М., 2015. С. 199–226.

⁴² LEKUB 2. Bd. 1. № 34. S. 27.

⁴³ *Bessudnova M.* Die Schließung des hansischen Kontors in Novgorod im Jahre 1494 im Kontext der Beziehungen des Großfürsten von Moskau mit Maximilian von Habsburg // *Hansische Geschichtsblätter*. 2009. Bd. 127. S. 69–99; *Бессуднова М. Б.* «Петрову двору капут: закрытие ганзейской конторы в Новгороде» // *Родина*. 2009. № 9. С. 43–46.

(*barchgel*) по старине»⁴⁴. Обращают на себя внимание не только откровенно разбойные действия живших на русском берегу крестьян – намеренное повреждение пострадавшего корабля лишало его подвижности и возможности сняться с берега (например, во время прилива), обеспечивая тем самым условия для беспрепятственного разграбления груза, – но также ссылка на обычай взимания «охранных денег» по «старине», который, по словам составителя документа, местное население более не желало соблюдать.

Реммелинграде освещает ситуацию более подробно: «<...> в предшествовавшие годы в русле Наровы были выброшены пять кораблей; в них по свидетельствам купеческих реестров было загружено в качестве товара 153 ластов соли и 36 ластва сельди, 2 ластва кожи (*semes*), 2 бочки пшеницы, 4 бочки (*sic!*) железа (*osemundes*). Десятую часть этих товаров русские из деревни Вагенкуль, по-русски называемой... (при восстановлении списка посол явно не мог вспомнить русское название), удержали, но наши купцы из своего добра после его передачи немного получили. Они [крестьяне] унесли товары в заросли (*to busche*) и закопали; так они спасли 20 ластов, а доставили пред наши очи 6 или 8, с которых к тому же взяли третий ласт, что является просто нечестным: их привлекает больше собственность, чем справедливые охранные деньги (*redelick berchgeld*), но договоры (*kruceskussinghe*) должны соблюдаться»⁴⁵. В ходе переговоров эта претензия была признана справедливой: послам велено было передать, что великий князь намерен разобратить дело о пяти разграбленных судах, наказать «злодеев» (*kwaden lude*), а «что при них найдет, вернуть нашим купцам»⁴⁶.

«Когда затонул один корабль в устье Наровы, – развивает тему Шрове, – и удалось спасти 6 ластов сельди, из которых по прибытии в Новгород [наместник] Яков [Захарович Кошкин] не по праву (*sunder recht*) взял 2 ластва. А было там груза 150 ластов соли, около 70 ластов сельди, мед, квасцы, а также тимьян, большую часть которых забрали и припрятали выше названные крестьяне»⁴⁷. Второй посол поясняет: «<...> год назад несколько наших людей везли с несколькими русскими в ладье 6 ластов сельди, и один русский купец по имени Алексей Крюков (*Alexse Kruck, Alexse Kruckow*) имел в той же ладье квасцы (*allun*) и соль; и ладья была выброшена на берег близ устья Невы (в версии Шрове крушение произошло не на Неве, *Ni*, а на Нарове). Товары нем-

⁴⁴ LEKUB 2. Bd. 1. № 34. S. 28.

⁴⁵ «<...> in dussen vorjaren in der Nervebecke gebleven syn viff schepe; hirinne is gewest na uthwysinge des kopmans register an gude, so seth avergeven hebben, 153 laste soltes und 36 last geringes, 2 last semes, 2 vathe wynsz, 4 vathe osemundes. Dyt guth hebben de Russzen uth dem dorpe van Waghenkull, up Russz genanth..., angehalt mith tegeden und unse kopmans en heveth hyrvan na oern onerevende nicht groth entfangen. Se bringen dat gudt to busche an und bogravent; bergen se 20 last, so bringen see 6 off 8 last vor ogen, dar nemen se noch de derde last van, dat jo unredelich is, vant se nicht mer en egen dan redelick berchgeld, solde de kruceskussinghe recht stan» (LEKUB 2. Bd. 1. № 95. S. 71).

⁴⁶ LEKUB 2. Bd. 1. № 95. S. 74.

⁴⁷ LEKUB 2. Bd. 1. № 34. S. 28.

цев, а именно 6 ластов сельди, были спасены, русские же товары пропали. Когда же сельдь доставили в Новгород, воевода Яков заявил, что спасенная сельдь **побывала в Неве**, и взял из 6 ластов 2 ластва, то есть каждый третий ласт; русский Алексей Крюков взял из того 1 ласт в 4 бочках»⁴⁸. Следует отметить, что из спасенного груза новгородский наместник забрал часть на том основании, что груз «побывал в Неве» (*gebleven was gewest in der Nu*), которая находилась в зоне его юрисдикции; при этом он как глава местной администрации взял ровно треть спасенного товара, как это предписывали, к примеру, нормы «Ютландского права». В Москве, однако, действия Якова Захаровича сочли незаконными (*hadde he unrecht inne gedan*) и предписали вернуть изъятое, тогда как поступок купца Алексея Крюкова был расценен как соответствующий договору (*na deme kruszbreve*). Ссылка осуществлялась на русско-ганзейский торговый мир 1487 г., который предусматривал распределение спасенных при кораблекрушении товаров вне зависимости от их принадлежности между всеми членами купеческой артели, зафрахтовавшей пострадавшее судно⁴⁹.

В сообщении Шрове значится: «Когда наши и русские купцы совместно везли свои товары на одном корабле и корабль затонул, то русские захотели забрать весь товар, который удалось спасти»⁵⁰. Эта реплика заставляет усомниться в предположении Э. И. Клейненберга относительно русского обычая уравнительного распределения спасенных во время кораблекрушения товаров, который отличался от ганзейского закона, требовавшего вернуть их законным владельцам безраздельно⁵¹. Действительно, ганзейский морской закон признавал право купца возратить себе уцелевший груз в полном объеме («фунт в фунт, марка в марку») за вычетом того, что шло на оплату услуг спасавших его людей⁵², но, как видно из приведенного фрагмента, ни о каком распределении уцелевшего груза между всеми компаньонами груза в требованиях русских купцов речи нет. Напротив, ситуация, скорее, указывает на все то же береговое право, которое давало основание русским купцам, коль скоро кораблекрушение случилось в пределах русских земель и товар

⁴⁸ «<...> en van unsen luden schepe meth en Russen in ene loddje, des is nu 1 jar, 6 last heringes und eyn Rusz kopmans, gehethen Alexse Kruck, de hadde in de sullfte loddje allun und solt; und de loddje bleff vor Nu. Des Duschen guth werth geborgen, also de 6 last heringes; up des Russen guth qwam schade. Do de herinck to Nowerden qwam, Jacob de hovetman vorfor, dat de herinck gebleven was gewest in der Nu, he nam van den 6 lasten 2 last, is de 3. Last; de Russe Alexse Kruckow de nam darvon 1 last 4 tunnen» (LEKUB 2. Bd. 1. № 95. S. 71–72).

⁴⁹ LEKUB 2. Bd. 1. № 95. S. 74. См. подробнее: Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV в. С. 160–161.

⁵⁰ LEKUB 2. Bd. 1. № 34. S. 28.

⁵¹ Клейненберг И. Э. Кораблекрушение в русском морском праве XV–XVI вв. // Международные связи России до XVII века. М., 1961. С. 352–365.

⁵² Seerecht im Hanseraum des 15. Jahrhunderts. S. 65, 75–76, 80–81, 90. В случае утраты груза на море в результате шторма или пиратского нападения в действие вступал принцип западноевропейской «авантюрной» торговли: «каждый сам несет свой убыток».

побывал в русской реке, претендовать на весь спасенный груз. Принцип уравнительного распределения уцелевших при кораблекрушении товаров, на котором представители великого князя Ивана III настаивали при обсуждении условий русско-ганзейского торгового мира в 1487 г. и мирного договора с Ливонским орденом в 1491–1493 гг.⁵³, таким образом, в данном конкретном случае был нарушен именно русской стороной.

Выше уже говорилось, что посланцы ливонских городов, которые представили ганзейские жалобы Ивану III осенью 1494 г., не сохранили их письменного подтверждения, но существование проблемы берегового права в русско-ганзейских отношениях подтверждается иным образом. В комплексе документов Любекского магистрата, касающихся русско-ливонских переговоров за период 1487–1498 г., наряду с выше упомянутыми отчетами ливонских послов 1494 г. содержится перечень ганзейских жалоб на латинском языке⁵⁴. Документ не датирован, но его содержание перекликается с содержанием отчетов Г. Реммелингроде и Т. Шрове, что дало основание Г. Гильдебрандту считать его инструкцией, которую те получили летом 1494 г. перед отъездом в Москву⁵⁵. Л. Арбузов, опубликовавший ее в первом томе LEKUB 2, в свою очередь, предположил, что она была принята на штедтетаге (совещании представителей ливонских городов) в г. Вава летом 1494 г.⁵⁶, хотя прямых доказательств тому мы не имеем. В любом случае речь идет о документе конца XV – начала XVI в., в котором, помимо прочего, значится следующее: «Четвертый [пункт] о товарах, спасенных при кораблекрушении: когда временами эти товары при кораблекрушении спускают на русском побережье или возвращают с помощью местных жителей, то они [местные жители] стремятся забрать себе третью часть подлежащих возврату товаров в дополнение к тому, что они в истекшие дни уже [тайком] забрали, и превратить в свою собственность к большому ущербу, убытку и вреду купцов Ганзы. Это противоречит статье соглашений, где говорится, что каждый может сохранить и вернуть свои товары, но [ему] следует оплатить труд и помощь в этих важных делах соответствующей наградой. Пятое и последнее: когда товары русских купцов и купцов ганзейских городов, как выше говорилось, на одном судне были спасены при кораблекрушении, русские из понесенного убытка, поскольку их товары полностью исчезли и пропали, пытались обогатиться за счет товаров ганзейских купцов и таким образом восстановить потери. Эта статья противоречит Богу, справедливости и всему праву, поскольку никто не должен обогащаться за счет потерей

⁵³ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 191–192; Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV в. С. 160–161.

⁵⁴ LEKUB 2. Bd. 1. № 23. S. 14–15.

⁵⁵ LEKUB 2. Bd. 1. № 23. S. 14.

⁵⁶ Ibidem.

другого, но всякий может возратить товары со своим [торговым] знаком и волен свободно, без всякого препятствия [их] продавать»⁵⁷.

Подводя итоги сказанному, заметим, что ганзейские жалобы, фигурировавшие в ходе русско-ливонских переговоров сентября–октября 1494 г., опровергают расхожее представление об отсутствии в русских (новгородских) землях берегового права, но, напротив, иллюстрируют живучесть этой древней традиции. Новгородская земля в Средневековье являлась важным коммуникативным элементом единого экономического и культурного пространства, условно называемым «ганзейским», в пределах которого веками формировался режим наибольшего благоприятствования для продуктивных контактов представителей русского (православного) и западноевропейского (католического) культурно-исторических пространств. Выступая в роли своеобразной контактной зоны, Великий Новгород не мог полностью отмежеваться от своих торговых контрагентов в плане правовом. Подобно прочим странам Балтийского региона, в XIII–XV вв. проводившим политику запрещения берегового права и введения практики взимания «охранных денег» за спасенное корабельное имущество, Новгород в рамках собственной юрисдикции осуществлял те же мероприятия, руководствуясь положениями международных договоров о «чистом пути».

Обстоятельства «обидных» дел, изложенные ливонскими послами Г. Реммелинграде и Т. Шрове в Москве, дают право утверждать, что на новгородском участке морского побережья в отношении выброшенных на берег кораблей до конца XV в. действовали те же самые правовые нормы, что и в соседней Ливонии, которые предписывали возвращение найденного имущества владельцу взамен выплаты им «охранных денег» – норма, вследствие заключения торговых договоров ставшая неотъемлемой частью новгородско-ганзейской «старины». Вместе с тем жалобы ганзейцев указывают на сокращение действенности этой нормы, вследствие чего русское население на морском берегу возвращалось к старинному обычаю присвоения найденного имущества, действуя вопреки «старине» и договорам, на которые ссылались ганзейцы.

Причину подобного «отступничества» мы склонны связывать с чередой сбоев, наметившихся в практике общения – в том числе и хо-

⁵⁷ «*Quartum est de bonis naufragium passis, quod, quandoque hujusmodi bona naufraga in litore terre Russie salvantur aut cum adjumento inhabitantium recuperantur, quod nituntur tertiam partem bonorum recuperandorum confiscare, prout jam effluxis diebus confiscarunt, et in usus proprios converterunt in maximum prejudicium, jacturam atque damnum mercatorum de hansa. Hic similiter articulus est contra compactata, ubi continetur, quod quilibet bona sua sic periclitata salvare et recuperare possit, sed opem et auxilium in his prestantibus congruum precium solvere atque dare tenebitur Quantum et ultimum est, quod cum bona Ruthenorum et civitensium de hansa mercatorum simul, ut premititur, in una navi naufragium paciuntur, quod extunc Rutheni ex damno perpresso, bonis eorum consumptis et omnino omissis, nituntur ex bonis eorundem mercatorum de hansa locupletari et damna hujusmodi recuperare. Hic articulus repugnant Deo et justicie et omni juri, cum nemo debeat ex alterius jactura locupletari, sed quilibet bona sub ejus signet reperta potest et valeat libere sine omni impedimento vindicare» (LEKUB 2. Bd. 1. № 23. S. 15).*

заявлено-правового – Великого Новгорода с Немецкой Ганзой, как результата поступательного разрушения новгородской «контактной зоны», последовавшего за вхождением Новгорода в состав Московского государства. Этим, кстати, можно объяснить феноменальность поздней фиксации свидетельств существования новгородского берегового права в ганзейских источниках. Интересно отметить, что береговое и его разновидности – «водяное» (товар побывал в воде) право, использовалось в Новгороде конца XV в. не только на народно-бытовом, но и на административном уровне. Новгородский наместник забрал третью часть (2 из 6 ластов) спасенного товара «не по праву», как это отметили ганзейцы; на третью часть корабельного груза претендовали и спасшие его новгородские крестьяне – в том случае, когда не могли утаить его полностью. Сходство с ютландским (датским) обычаем середины XIII в., упомянутом выше, бросается в глаза и заставляет предположить существование еще одного, еще более древнего, чем ганзейское, балтийского правового пространства, к которому принадлежал и Новгород. Если это было так, то отсутствие в новгородских землях берегового права не нарушало его композиции. Впрочем, в отсутствие скрупулезного исследования это предположение следует рассматривать как гипотезу.

Длительное существование традиции берегового права в Новгородской земле не является чем-то необычным – в прибрежной зоне Мекленбурга, к слову сказать, моление местных жителей о «благословенном побережье», бытовавшее как часть церковной службы, было отменено лишь в 1777 г.⁵⁸

⁵⁸ Cordes A. Strandrecht. S. 213.